

Владимир Дырин

Уходит лето
стихи

Челябинск,
2004

ББК 84.33 (235.555)
Д90

Д90 Дырин В. Уходит лето. Стихотворения.
— Челябинск: Цицero, 2004. — 32 с.
(Серия «Визитная карточка поэта»)

ББК 84.33 (235.555)

ISBN 5-87772-006-6

© Дырин В., 2004.
© «Цицero»,
оформление, 2004.

Из цикла «Баламут»

*
* *

Закурю я, что ли сигарету
Да пойду по улочке пройдусь.
Краше не видал нигде я лета
И добрее не встречал я Русь.

Здесь, у нас, живут такие люди!
Ты с душой к ним только подойди.
Гена, вон, Касаткин — солнце будит,
Ух, шурует веником в пыли.

Здесь такие поживают бабы!
Как заляются голосами — дрожь...
Я не жил бы десять жизней, кабы
Всё это не ставил в медный грош.

Посижу. С друзьями посудачу
Как в садах нахальны воробьи.
Навешу Фатеевскую дачу
Помолчу там с Витей до зари.

И пойду себе по красной, светлой,
Солнечной Агаповке своей...
Краше не видал нигде я лета
И добрее не встречал людей.

Из цикла «Баламут»

К. Е. Н.

Живу на юге Южного Урала,
Но не на самом, не настолько крут.
Ращу томаты сорта Де Борао,
Да каши ем из самых разных круп.

Люблю бывать я с Женей на рыбалке,
Когда поёт вечерняя заря.
Да только он не ловит, вот что жалко,
Не ловит он, когда рыбачу я.

Обидно мне бывает и досадно,
От этого расклада боль в груди.
Ведь ездить на рыбалку так накладно.
Тут даже и к гадалкам не ходи.

Немного пораскинул я умишком
Ведь надо положение менять,
А может быть ему рыбачить с книжкой —
Не подарить ли мне «От А до Ять»?

Куплю энциклопедию такую...
Пускай её читает у реки.
Пускай не тратит времечка впустую
В семейном ложе или у кирки.

Прописан он не зря к интеллигентам —
Найдёт что, от чего, где отличать,
И вот однажды он одномоментно
Добудет килограммов этак пять...

А может мне вчерне, почти простым наброском
Да с Женечкою рядом, у холста
Писать, писать, писать пейзаж неброский
До самого Великого поста.

Из цикла «Баламут»

*
* *

Кто я такой? Ответа нет
На мой вопрос во всей Вселенной.
Черёмухи душистый цвет
Куда-то манит незабвенный.

В какую даль, восстав, пойду
В восторженном благословенье,
И где я сердце разорву,
Душой ликуя в исступленьи.

Куда б ни шел и что б ни пел,
В такие уносился дали —
В каких бывали Вы едва ли,
Ссылаясь, что по горло дел.

Там звёзды (ёлки) по рублю
Тяжёлые, как золотые.
Стоят там ели вековые,
Мохнатые, кряхтят седые,
Когда их ветром одарю.

Река там по весне ревёт...
Сейчас безмолвствует, чуждая.
Плеснёт вдруг рыбка золотая
Вот так не думая, плеснёт.
И долго будет по горам
Шарахаться шальное эхо,
Не тронув слуха человека,
Само, поди, себе замрёт.

Закончив суматошный день
И обустроив свой покой,
Уж засыпая, Боже мой,
Мысль промелькнула
КТО ТА-ко...

Из цикла «Баламут»

*
* *

Лёгкая грустиночка
Да по сердцу льдиночкой.
Сколько вокруг мается
Молодых подруг...
Был я раньше маленький,
А теперь вот — старенький.
Ловко серединочка
Уплыла из рук.

Знать не там я хаживал
И не то забраживал.
Знать не тем я дождичком
Душу отмывал.
Перелески с просинью
Унесли и бросили,
Одиноким вороном
Зрелость повстречал.

Зря манили росные
Травы сенокосные
Да в туманном мареве
Силуэты снов.
Мы с берёзкой-девицей
Так и не осмелились
Добрести до истины
Жизненных основ.

Вот рыбалка — чудненько!
И душе не блудненько.
А охота? Прелесть ведь!
Алая тайга...
На утиных зореньках
С бедолагой Боренькой...
Да ещё удАлая
Звонкая байга.

Есть собачки клёвые
Да судьбина квёлая.
Есть изба над речкою.
Даже ветер — друг...
Но сегодня льдиночкой
Легкая грустиночка.
Нет ведь серединочки
Для сердечных мук.

*
* *

Я живу бобылём, и мой дом
Непохож на другие строенья.
Здесь царят по ночам привиденья,
Когда кружится снег за окном.

Здесь совсем не читают газет.
Зря пылится в углу телевизор.
Домовой — казначей и провизор,
На почтовом черкнул: «Писем нет».

Вместо вешалки — гвозди в стене.
Среди книг здесь — моднейший компьютер.
Здесь по стенам цитаты. Вот Лютер...
Бомарше появился к зиме.

И влетаются в суть бытия
Вздохи, ахи, шампанское, встречи.
В прошлом веке, ведь так недалече,
Отдыхали здесь Музы друзья...

Как я радовал этих сестёр.
Я им даже играл... на жалейке.
Пожалейте меня. Пожалейте.
Так у Муз язычок был остёр.

И готовится мясо в вине.
И вином запивается мясо.
Здесь маячат поповские рясы.
Люцифера вдруг тень на стене.

В дальнем кресле богини бельё.
На системном пылится тиара.
При свечах вечерами гитара
Одиночество греет моё.

Я с работы в свой дом тороплюсь.
Там — корсаров гортанные крики,
Моисей с Пятикнижием, твики.
Ох, сейчас-то вот в жизнь окупнусь!

Из цикла «Тени явора»

*
* *

Листом осенним кружится судьба.
Всё больше к мелочам теперь вниманья.
Не манит суетливая гульба
И с дочкой нет взаимопониманья.

Она котёнком ластится с утра —
Под вечер же взъерошенной мегерой...
Ах, видно, мало ей дарил тепла,
Был занят суетой своей без меры.

Ах, видно, надо по другому жить.
Забыть: и об утиных перелётах,
И про осинки надобно забыть
На глухаринных, моховых болотах.

И перестать мотаться по судьбе,
Оберегая крохи мирозданья.
К водопроводной привыкать воде,
Да с дочкою наладить пониманье.

И пусть себе плаксивая душа
Ночами всё рыдает над рябиной...
Раскланяюсь с соседкой, не спеша,
Узнав недавно, что зовут-то Ниной.

Узнал, что у соседей обо мне
Весьма сложилось недурное мнение.
Узнал как сердцу больно на заре
В покое пухового окруженья.

А так мечталось: вот срублю избу,
Чтоб не нашел никто ко мне дороги.
Иконы, книги да цветы в саду
И белые, как снег, единороги.

Не будет у меня уже избы
У озера, в сосновом окруженье...
Что ожидать-то от такой судьбы:
Ни взлётов, ни падения, ни пеня.

*
* *

Я калитку души отворю,
Пред иконкою тихо предстану,
И пусть ветер, кромсая зарю,
Всё зовёт меня в даль непрерывно.

И пусть плотная, чёрная мгла
Спину мне холодит недовольно,
Пусть ворчит себе сонмище зла —
На душе и покойно, и вольно.

Мыслей хлам, как от взмаха меча,
Отлетит растворясь подо мною.
И, любовь тая, свеча
В сердце падает чистой слезою.

Не понять, как забыв обо всём,
Тихо шепчешь: «Прости меня, Боже...»
А иконка лучится теплом...
Что мы в жизни увидим дороже?

*
* *

Меня устраивает быт
Когда лишь в двух шагах
Костёр мне сказки говорит
О золотых Богах.

Меня устраивает ложь
Полуночной тиши
Средь грубо выделанных кож
В межвековой глуши.

Меня устраивает враг —
Ни есть, ни пить, ни спать...
А мне устраивают брак,
Чтоб праведником стать.

Глупейший поворот судьбы...
Уйду под образа.
По мне, в угон, дулет беды,
Раскосые глаза.

Из цикла «Баламут»

*
* *

Никто ко мне не ходит. Знать, не любят.
Видать, не то я в жизни берегу.
Пусть по утрам меня росой будит
Камыш певучий прям на берегу.

Никто ко мне не ходит, видно знают —
Чудную душу лучше не пытаться.
Пусть себе плывёт зарёй по краю.
Со звёздами пытается блистать...

А мы, вчера вот, с бабою Ягою
От хмеля песни пели до зари
Горланили. Я этого не скрою,
И целовались с нами упыри.

А мне то что. Мне не помеха леший.
Судачили недавно вечером —
Как нелегко живётся нынче лесу,
Запив беседу свеженьким чайком.

Я не один на милой мне планете,
Вот рысь Варкуша прилегла к ногам...
Никто ко мне не ходит. Только дети
Да Боги навещают по утрам.

Из цикла «Тени явора»

*
* *

Однажды мы узнаем. Мы узнаем
Что ничего нет краше на земле,
Когда плывёт над нашим скучным краем
Клин журавлиный на слепой заре.

Когда-нибудь и мы прощальной песней
Над неудобной родиной своей
Помчимся в даль. Что может быть чудесней,
Коль у тебя в друзьях уже Борей.

Расправив крылья в тишине лазурной,
Парить себе над россыпью берёз,
Над деревенькой старой, тихой, нудной
И над морями наших горьких слёз.

Парить — бездумно с высоты взирая
На купола заброшенных церквей.
И никого уже не призывая,
Не вороша безумие страстей...

Но оторвавшись от земной юдоли,
Простим ли спесь чиновного вранья...

Ах, кто это взлетел над чистым полем?
Не я ещё. Увы. Пока не я.

*
* *

Унижаюсь пред судьбой.
Унижаюсь.
Мне б, покаявшись, встряхнуться —
Не каюсь.
Даже в даль меня не манит
Дорога.
Знать, привык уже курить
У порога.

Мне б ломиться сквозь тайгу
К другу в гости
И влетать орлом в байгу.
Шалость?... .. Бросьте...
Мне б девчоночку любить
Недотрогу.
Петь бы чистою душой
Славу Богу.

Пусть вокруг лишь вороньё.
Волчи стаи.
Телевизора враньё
Души травит.
Что я сам-то пообвык,
Непоседа?
Среди явного живу?
Среди бреда?

Знать, привык уж не считать
Дни, недели.
Ждать, когда нас всколыхнут
Птичьи трели.
Не впиваюсь зорким взглядом
В судьбину.
Стало как-то всё равно:
В грудь ли?
В спину?

*
* *

Сожжёт нас время на своём костре,
А хочется навечно утвердиться...
Суетных дел — босая вереница,
Ну, что она расскажет обо мне?

*
* *

Я не создан для города. Мало мне, мало
Ярких красок заката на окнах квартала,
По проспектам бродить, где земли-то с копейку,
Тосковать по лесам на чугунных скамейках.

Не хватает мне пашни, простора в полнеба,
Крика диких гусей и звезды над прудом.
Не хватает мне радости сжатого хлеба,
Аромата полей и коня под окном.

Из цикла «Тени явора»

*
* *

Первая осень нового века
Листья — ну, точно, что прошлый год:
И паутинка в ветвях бересклета,
И журавлиная песня с высот...

И тишина, и туман над водою,
И уж, конечно же, те же дожди.
Душу водой родниковой омою,
Дому скажу: «Ты покуда не жди».

Дому скажу: «Я в тебе пропадаю,
Медленно таю... свечей ли, слезой...
Буду бродить по любимому краю
Хмурой ли, ясной осенней порой.

Ты уж прости. Величайший я грешник.
Мне б так и жить среди сосен, осин,
Слушать, как плачет в заре пересмешник,
Вспомнив бездушие прожитых зим».

*
* *

По вырубке брожу густой травой.
Здесь пенье птиц не нарушает сна.
Забытою, звериною тропой
Уверенно ступает тишина.

Здесь лик печали, боле ничего.
Унылые, безрадостные дни.
И годовыми кольцами свело
Сосновые, дряхлеющие пни.

*
* *

Мне важней предчувствие — не слава.
Мне нужней любовь, а не мечты.
Вроде, долго жил, а сделал мало —
Не набрала осень высоты.

Осень не звенит ещё печалью
Журавлиных, перелётных стай.
Осень, чуть прикрытая вуалью,
Лишь слегка затронула мой край.

Зелена ещё трава у дома
И почти что летние дожди.
У реки Сухой, где всё знакомо,
Слышен юный голос: «Подожди».
Молодёжь ещё легко одета.
Вечеринки, дискотеки, бар,
Но уже уходит это лето,
С каждым днём беднее его дар.

Может быть, и я всё меньше грею?
Может, по привычке лишь люблю?
Может быть, в печали камня,
Душу-то свою и погублю?

Осень ли ответит в вечер томный,
Паутинкой лёгкою скользя...
По утрам, на стёклах, пот оконный
Словно слёзы летнего дождя.

*
* *

За туманы мне бы
далёкие.

За ветра
неуютные,
стылые.

Мы бы с осенью
одинокие
Там бродили бы
странные,
милые.

Ах, от горя ли? От отчаянья?
Здесь глаза пустотою светятся.
И церковный звон, с неприкаянной,
Одинокой душой не встретится.

Мне б махнуть на всё. Да на поезде...
А потом пешком. Да три месяца...
Но всё мучаюсь непристроенный;
То ль как все — запить? То ль повеситься?..

За туманы, мне бы,
далёкие.

За ветра
неуютные,
стылые.

Мы бы с осенью
одинокие
Там бродили бы
странные,
милые.

Так и шли б себе
нескончаемо,
Не примяв травы
лёгкой поступью.

И от горя ли?
От отчаянья?

Всё твердили:
«Буди милостив,
Господи».

Из цикла «Баламут»

*
* *

Иногда я пла́чу. Иногда я пла́чу.
И ночами долгими о себе судачу.

О себе заброшенном. О себе любимом.
Я — трава нескошена в поле сиротливом.

Обошли сторонкою. Обошли. Не ждали.
И слеза с горошину. И с пера — скрижали.

*
* *

Куражится осень. Волшебница осень,
Дороги листвою засыпав под просинь.
Седыми утрами аукает, плачет,
Как старая бабка о лете судачит...

Куражится осень. Сгорит без остатка
Гулящая барыня с вечным достатком;
Рубины отсыпала щедро рябине,
Бордовый кафтан подарила калине,
А вот малахит по полям раскидала...
И всё ей не жалко. И всё-то ей мало...

Куражится осень. Уняться не хочет.
На нас озадаченных глядя — хохочет.
Ехидной сорокою в окна стрекочет:
«Ну, как Вам грибочки?»... И снова хлопочет.

Куражится осень. Ух, как это бАско
Когда оживает любимая сказка.
Лишь филин ночами куражному чуду
Кричит обалдело: «Ой, верить не буду...»

*
* *

Ветры осенние тихие-тихие.
Листья курчавые кру́жатся, падая.
Травы поникшими, длинными нитями
Сердце не радуют. Сердце не радуют.

И тишина — навалилася тучею
Чуждой, серебряной, словно из инея.
Песнь журавлиная волею случая
Долгая-долгая. Зимняя-зимняя.

Начало зимы

Под снегом пушистым и белым
В листве золотой листопада,
Асфальт, разрисованный мелом, —
Девчоночья страсть и отрада.

Давно уже канули в вечность
Под сладкой рябиновой кистью
И смех тот, призывно-беспечный,
И тайные, дерзкие мысли.

Теперь — после стольких метелей,
Не верю я в тайные знаки,
Гуляю средь пасмурных елей,
Где воют ночами собаки.

Теперь — на ротанговых креслах,
Засыпанных снегом кофеен,
Сидит, развалив свои чресла,
Со мной Пустота корифеем.

*
* *
*

Что-то метель в эту зиму не пела мне песни?
Долгие песни с какой-то неясной тоскою.
Может, от этого нынче душа не на месте?
Может, я нынче и песен-то этих не стою...

Вот и морозы ушли, продержавшись неделю.
Веришь? На окнах узоры — увидишь
лишь в грёзах!

Что-то погода вдруг стала плаксивым Емелей —
Капают тёплые с крыши февральские слёзы.

Только синицы снуют, веселясь у кормушки,
В небе безоблачном, синем крикливые галки...
Вот и сизарь уж воркует о чём-то подружке,
И воробьи на тропинках играют в скакалки...

Скоро. Ах, скоро весна со своей суетою
Высыплет кучу надежд, ожиданий, сомнений!
Что же сегодня я глупую маюсь тоскою?
Может быть, завтра проснувшись, узнаю:
я — гений!

Может быть, завтра взлечу вместе с громом
весенним
И растворяясь по всем поездам, полустанкам...
Больше не стану выслушивать вычурных мнений,
Больше не буду казаться обыденным, жалким.

Только что толку топырить вихор на макушке?
Мне ли кичиться, мол, ты хоть от зависти тресни!
Мне бы, как в детстве, прижавшись щекою
к подушке,
Слушать в метель милой мамы цветастые песни.

*
* *

Когда нам дышится легко,
Когда душа поёт как птица,
Со счастьем можно и смириться
Не столь уж бремя велико.

*
* *

А разве не о чем грустить?
В июльский вечер, над рекою,
К коленям свесясь головою,
Душой по прошлому бродить.
Так, разве не о чем грустить?

А разве не о чем болеть?
Когда к любимой тянешь руки,
Но вся любовь — одни разлуки,
А долго ль юности гореть?
Так, разве не о чем болеть?

А разве не о чем страдать?
Степей всё тише стоголосье.
Кто ныне пал среди колосьев?
Наш жалкий жребий — лишь гадать...
Так, разве не о чем страдать?

Не жил. Не жил я во хмелю.
Не помню дня, чтобы без боли.
Смотрю — цветы
сорвали в поле
И бросили.
Дороги пыль
Легла на Божии созданья,
Встал ветер,
словно изваянье,
И тихо вдруг запел
ковыль...

P. S.

До свиданья милая. Пиши
Как проходит осень вашим краем,
Что ворожат хмурые дожди
Над весёлым городом Сибаям.

И о чём мечтают на заре
Молодые, ветреные клёны.
В сентябре. Конечно в сентябре
В раз созреют, думы их зелены.

Не пророчит ли опять беду
Старая, лохматая ворона.
Как живётся ёжику в саду,
И зайчихе на исходе гона...

Не горюйте, плача над судьбой,
Оросив глаза слезой печали;
Я вернусь нарядною зимой
И скажу: «По мне ли вы скучали...»

А пока — напомню о себе
Веточкой хмельного бересклета,
Паутинкой в нежном серебре
Ранним утром бабьего-то лета.

А пока — душою не скорбя,
Собираю Мира откровенья.
Для тебя. Конечно, для тебя
Выльюсь на листы стихотвореньем.

*
* *

Возможно, и глупо
искать и скитаться,
Кого-то любить
и чего-то бояться
И людям нести своё чистое сердце,
И вдруг — у чужого,
большого согреться.
Возможно, и глупо,
но снова влюбляюсь.
Ищу и скитаюсь.
Ищу и скитаюсь.

Богиня

Слышал я, что курица — не птица.
Женщина — увы, не человек...
Мне, с любимой счастьем бы упиться
Вот на этот мимолетный век.

Чтоб шептали ласковые губы
Нежные, красивые слова.
Чтоб растаял я, сухой и грубый
И кружилась кругом голова.

Чтобы я отчаянно поверил
В волшебство певучих, добрых рук.
Чтобы лишь секундами я мерил
Неизбежность горькую разлук.

Чтоб в глазах её — лукавых, грешных
Не сопротивляясь, тонуть.
Чтобы все от зависти безбрежной
Проклинали свой унылый путь.

Чтоб будил я чуткие ресницы:
Вы, Богиня, спите целый век...
Я, согласен — курица не птица.
Женщина — давно не человек.

Ф. В. Д.

Мы с тобою молчим и молчим...
Вот уже два часа пролетело.
Бабье лето дверями скрипело
И тенями играло, как мим.

По бумаге скользит карандаш,
Оставляя мне магию линий.
Ах, о чем промолчал бедный Плиний?
Мы о чём? Вот такой вот пассаж.

Ещё тёплые мечутся дни,
Как листы у надорванной книжки:
Листопад, переулки, мальчишки,
Фонарей неживые огни.

Лета бабьего вьется кураж,
Но октябрь — это логово года —
Нас одарит своей непогодой,
Бытие возведя в эпатаж...

Всё потом. Мы с тобою молчим.
Нам ничьей суеты не хотелось.
Бабье лето простит нашу смелость.
Бабье лето — услужливый мим.

*
* * *

Вере Белой

Мне так хотелось быть с тобой,
Тебя в объятия одевать,
Ловя улыбку. Боже мой!
Одной тобою горевать.

Но, кажется, закончен путь.
Живу в почти минувшем дне.
Вчера кричали: «Не забудь...»
И забывали обо мне.

А, нынче снова. Под зарю
Знакомых звуков перезвон
И я опять себя дарю,
Опять судьбу свою на кон...

Опять бессонница. Мечты.
Ну, сколько можно? Прямо грех...
Все наведенные мосты
Одел под дерево «Орех».

На всех дорогах зеркала
И солнышко — под гребешок...
Неужто мне судьба лгала,
Надежды подарив вершок?

А, может глупо? К ноябрю —
Листать часов минуты тем;
От шуточного — *Y love you*,
До одиссеевых проблем.

Лишь для того, чтоб быть с тобой,
Купаясь, в счастье поживать,
Шепча блаженно: «Боже мой...»
Тебя в объятия одевать.

*
* *

Мы говорим на разных языках.
Я говорю: «Как жаль, уходит лето».
А ты, в ответ мне: «Песня не допета
И солнце просто спит на облаках».

Я говорю о жизненном пути,
О том, как трудно будет нам зимою...
А ты в ответ — легчайшее: «Прости,
Я лишь сегодня рядышком с тобою.
Быть может завтра, мы взлетим поврозь,
Забыв друг друга, дом, ошибки, встречи...
Мы встретимся... в древнейшем Семиречье
Мы будем... розы... чистые... насквозь».

Случайная встреча

Полумрак кабака.
Показушная вычурность встреч.
Джентльменский набор,
Чтоб держаться на гребне молвы...
— Вы сегодня свежи
словно роза в садах Междуречья,
где меня охраняли
когда-то гривастые львы.

Вы проходите в зал,
Снисходительным взглядом окинув.
Но улыбка коснулась
Уголков чуть подкрашенных губ...
— Ах, зачем я в Евфрате
однажды случайно не сгинул
и две тысячи лет
был с рабынями резок и груб.

Вы уже оглянулись
Мне ответное колкое кинуть.
Загорелись глаза;
О, прекраснейший, древний янтарь...
Но один из охраны:
— Желаете ли случаем сгинуть?
Чтоб из бара и носа
не высовывал. Понял, Кобзарь!

Я не помню тот город,
Исхлестанный сотнями улиц.
Память смутно хранит
По-весеннему грязный вокзал.
Полумрак кабака.
Как Вы дивно тогда оглянулись!
А потом целый вечер
Друг другу смотрели в глаза.

Я читал Вам стихи.
Несусветное нёс почему-то.
Я не помню строки. Я горел
От чарующих глаз.
Вы касались руки
И смешно говорили про чудо
И о том, что приятна
Вам чистая искренность фраз.

Провожая, сказали:
— Гнетёт эта ветреность встречи,
а синтетика жизни
проникла в волшебные сны...
— Вы так мило свежи,
Моя роза садов Междуречья.
Жаль, что Вас охраняют
Бездушные, злобные львы.

Из цикла «Полукружье»

*
* *

Я забываю о себе
Томительными вечерами,
Когда душа меж сном и Вами
С кем повстречался по судьбе.

На волнах памяти наш дом
Слепыми, ветреными днями,
Набитый доверху друзьями,
Напоминающий Содом.

Как звучны были имена
И как блистательны манеры —
Наяды, Зевсы и Гетеры,
Бокалы полные вина.

Мельканье глаз. Сплетенье рук
А посреди гора из мнений...
Ещё не цвёл веночек сомнений.
Ошибок и душевных мук.

Где Вы, блиставшие в судьбе?!
Кого уж нет, а кто далёко.
Как будто яростный сирокко
Прошел по дому во злобё.

*
* *

Вере Белой

В пересечении надежд,
Мечтаний, грёз,
В пересеченье бытия,
Молвы и гроз
Круг очерчу я из огня
Да в октябре.
Воспеть послушницу Любви
В немой заре.

Я Славу Богу вознесу
За рай земной
За то, что всё ещё дышу
Тобой одной.
Живу случайный до сих пор
Судьбу дразня:
То вверх, то в низ.
То царь, то вор...
Люби... меня.

*
* *

Вере Белой

Сижу, рисую закат осенний.
Дожди малюю над сентябрём.
Ведь очень скоро листок последний
Объявит сущность небытиём.

Ведь очень скоро туманным пляжем
Пройдёт разлучницею зима
И мы в берлоги свои заляжем
Во снах о лете сходить с ума.

И станет время тащиться крúгом,
Но если память встревожит ночь...
Секунды — цугом и в память плугом,
Чтоб запахать что не превозмочь.

Не вспоминать чтоб твой чай с вареньем
И смех над глупым моим стишком...
Вздыхать о счастье по воскресеньям.
Бродя по парку... Хрустя снежком.

И верить: будем однажды вместе.
Ведь эту осень прожил не зря...
И запою я другие песни
В хрустальном кружеве января.

СОДЕРЖАНИЕ

«Закурю я, что ли сигарету...»	3
К. Е. Н.	4
«Живу на юге Южного Урала...»	4
«Кто я такой? Ответа нет...»	5
«Лёгкая грустиночка...»	6
«Я живу бобылём, и мой дом...»	8
«Листом осенним кружится судьба...»	9
«Я калитку души отворю...»	10
«Меня устраивает быт...»	11
«Никто ко мне не ходит. Знать, не любят...»	12
«Однажды мы узнаем. Мы узнаем...»	13
«Унижаюсь пред судьбой...»	14
«Сожжёт нас время на своём костре...»	15
«Я не создан для города. Мало мне, мало...»	15
«Первая осень нового века...»	16
«По вырубке брожу густой травой...»	16
«Мне важнее предчувствие — не слава...»	17
«За туманы мне бы далекие...»	18
«Иногда я плачу. Иногда я плачу...»	19
«Куражится осень. Волшебница осень...»	19
«Ветры осенние тихие-тихие...»	20
Начало зимы	20
«Что-то метель в эту зиму не пела мне песни?»	21
«Когда нам дышится легко...»	22
«А разве не о чем грустить?»	22
Р. С.	23
«Возможно, и глупо искать и скитаться...»	24
Богиня	24
Ф. В. Д.	25
«Мне так хотелось быть с тобой...»	26
«Мы говорим на разных языках...»	27
Случайная встреча	28
«Я забываю о себе...»	29
«В пересечении надежд...»	30
«Сижу, рисую закат осенний...»	31

Владимир Дырин

Уходит лето

стихи

Редактор: *Н. И. Година.*

Верстка: *В. Б. Феркель.*

ISBN 5-87772-006-6

Формат 84×90_{1/32}. Гарнитура Петербург.

Объем 1,4 усл-печ. л.

Подписано в печать 8.11.04 г.

Тираж 100 экз.

Издательство «Цицero».

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.